

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций

Phone: (212) 861-4900

Fax: (212) 628-0252

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

*136 E 67th Street
New York, NY 10065*

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ

**представителя Российской Федерации в Шестом комитете
79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по пункту повестки дня
«Защита людей в случае бедствий» (Cluster 1 – статьи 1, 2, 3 и 18)**

7 октября 2024 года

Г-н Председатель,

Ст.1 проекта статей КМП о защите людей в случае бедствий (ЗЛБ) о том, что «настоящие проекты статей применяются к защите людей в случае бедствий» сформулирована неоднозначно. В ней не раскрыты ни вопросы о предмете правового регулирования (в частности, что понимается под «защитой»), ни о круге лиц, на которых распространяется действие проекта статей, ни о территориальной сфере их применения. Исходя из данной формулировки за рамками предмета регулирования остались такие первостепенные естественные меры реагирования на бедствия как «оказание помощи и поддержки пострадавшим государствам, лицам».

В ст.1 не конкретизируется, распространяется ли защита на всех лиц либо ограничивается кругом пострадавших лиц.

Непонятно, чем вызвано выпячивание правозащитного аспекта в ст.2 проекта статей КМП о ЗЛБ. Такой подход лишает их практической значимости при ликвидации последствий бедствий. К целям правового регулирования должны, прежде всего, относиться меры, направленные на устранение правовых барьеров для оперативного спасения человеческих жизней, снижения размеров ущерба и потерь от чрезвычайных ситуаций, ликвидации их последствий, своевременного получения необходимой помощи, облегчения страданий и удовлетворения потребностей пострадавших лиц. Хотели бы обратить внимание на неоднозначный смысл формулировки о том, что «цель проектов статей удовлетворить основные потребности затрагиваемых лиц при полном уважении их прав». Исходя из ее смысла удовлетворение потребностей лиц как будто противопоставляется уважению их прав, что неверно, поскольку эти вопросы непосредственно взаимосвязаны.

Несмотря на замечания ряда государств, высказанных еще на этапе разработки проекта статей КМП о ЗЛБ, ст.2 по-прежнему не уточняет, что подразумевается под «надлежащим и эффективным реагированием на бедствия». Придерживаемся мнения о том, что такая формулировка не исключает ее толкования как обязанность пострадавшего государства принимать помощь от других субъектов.

В том, что касается данного в ст.3 определения «бедствие» (п. «а» ст.3), то оно отличается от определений этого понятия, приведенных в действующих международных договорах. Так, согласно заключенной под эгидой ООН Конвенции Тампере о предоставлении телекоммуникационных ресурсов для смягчения последствий бедствий и осуществления операций по оказанию помощи 1998 г. (насчитывает 60 подписантов и 49 участников) понятие «бедствие» более широкое и не привязано к событиям. Под ним понимается «серьезное нарушение функционирования общества, которое создает серьезную угрозу для жизни и здоровья людей, имущества или окружающей среды, независимо от того, вызвано ли

оно аварией, силами природы или деятельностью человека и возникло внезапно или в результате сложного, длительного процесса».

Реалиям сегодняшнего дня соответствовало бы понимание под «бедствием» односторонних принудительных мер. Очевидно, что они по своему масштабу и неизбежному действию создают угрозу для общества, противоречат Уставу ООН, подрывают международное сотрудничество, в т.ч. в ликвидации последствий бедствий и их предупреждений. Термин «бедствия» проекта статей КМП не упоминает и возможный трансграничный характер бедствия. Необходимо вести речь о максимально широком круге бедствий.

В определении понятий «внешняя помощь» (п.«е» ст.3) и «оборудование и товары» (п.«g» ст.3) отсутствует важный элемент, предусматривающий, что правовым основанием для оказания такой помощи должны являться «просьба и согласие» пострадавшего государства либо договоренность запрашивающего и оказывающего помощь государств, достигнутая ранее на основе сотрудничества и/или взаимодействия. Вызывает сомнение употребление термина «пострадавшее государство» (п.«b» ст.3) вместо традиционного для

договорной практики понятия «запрашивающее государство-участник». Центральной темой в проекте статей КМП о ЗЛБ должно быть оказание помощи по просьбе обращающегося за ней государства и употребление терминов, соответственно, должно быть практически значимо. Термин «запрашивающее государство-участник» в отличие от понятия «пострадавшего государства» этому критерию соответствует. На деле важно наличие обращения государства к другому государству с просьбой о направлении групп по оказанию помощи, оборудования и материалов обеспечения.

Проблематично также определение понятия «персонал по ликвидации последствий бедствий» (п.«f» ст.3), которое отступает от применимых на международном уровне руководящих принципов использования военных ресурсов для поддержки гуманитарной деятельности в чрезвычайных ситуациях (ЧС). Они используются как крайнее средство, когда исчерпаны гражданские альтернативы. Включение подобного положения в юридически обязывающий документ вызывает озабоченность, создает основание для

вооруженного присутствия, в т.ч. непрошенного, что может привести к посягательствам на суверенитет и политическую независимость.

Несмотря на то, что проект статей КМП оперирует понятиями снижение риска бедствий, ликвидация и смягчение их последствий, их определения в тексте не даны.

Полагаем, что формулировка п.2 ст.18 о неприменимости проекта статей КМП о ЗЛБ в той мере, в какой реагирование на бедствие регулируется нормами международного гуманитарного права (МГП) неоднозначная и создает основу для вторжения в сферу регулирования МГП. Нельзя исключать ее толкование как карт-бланш для применения проекта статей, якобы, с целью восполнения возможного пробела в нормах МГП, если бедствия происходят в условиях вооруженных конфликтов. Считаем такой подход в корне неверным. Проект статей КМП о ЗЛБ не должен в принципе касаться вопросов МГП и не может рассматриваться в качестве основы для дополнения его норм. Для ситуации вооруженного конфликта именно МГП всегда имеет приоритет как *lex specialis*. Иной подход чреват ослаблением гарантий для некомбатантов. Благодарю за внимание.